

АЛЕКСАНДР КОРНЕЕВ

ДОЛГОВРЕМЕННАЯ ОГНЕВАЯ ТОЧКА

РАССКАЗ

Я разбежался и легко перемахнул через забор, за которым меня ждал друг Вовка. Мы шли “на дело”. Вчера, обнаружив в соседнем лесу старый дот, побоялись в него войти. Весь вечер готовили снаряжение: огромный фонарь, топор, лопаты, верёвку и даже зелёнку с бинтами. Этим утром мы разбудили лес. Восходящее солнце с удивлением обнаружило среди плотного кустарника двух подростков, старательно расчищавших сохранившееся с войны укрепление: нам не терпелось попасть внутрь. Наконец, фонарь осветил то, куда мы всё-таки не решались спускаться.

— Давай закинем верёвку с камнем, — громким шёпотом проговорил Вовка, — померяем глубину.

— Давай, — согласился я, пытаюсь справиться с комком страха в горле. Камень утянул верёвку на три метра и глухо обозначил бетонный пол.

— Хорошо, что сухо, — сделал вывод Вовка.

— Айда, — мне не терпелось спуститься.

Свет фонаря подбадривал нас. Выхватывая ступени, поросшие мхом, затянутае плесенью бетонные стены, он разгонял тьму подземелья. Пахло холодной сыростью и потревоженной землёй. Мы оказались внутри дота. Сердце всё ещё колотилось так, что слышен был пульс. Мы перевели дух и осмотрелись. Вокруг царил хаос: обрывки газет, какие-то тряпки и битое стекло.

— Зряшное дело, — разочарованно подытожил Вовка.

КОРНЕЕВ Александр Олегович родился в Малаховке Московской области в 1972 году. Окончил МГАФК, педагог, работает в школе-интернате для детей с ограниченными возможностями здоровья. Автор имитационной футбол-гимнастики и футбол-театра “МурТон”. Живёт в Малаховке. Данная публикация — дебют.

— Подожди, — я попытался остановить крушение тайны. — Кто ищет, тот найдёт.

— А что мы с тобой можем найти там, где побывали до нас? — Вовка быстро смотал верёвку и уложил её в рюкзак.

— Мы, конечно, далеко не первые, но давай не будем отчаиваться, — попытался утешить я.

— Сашка, здесь ничего нет, — вдруг разозлился он и начал пинать разбросанный мусор. — Ни-че-го! — Свет его фонаря нервно запрыгал по стенам, выхватывая имена, даты, ругательства, знаки и символы. — Хотя вот, смотри, — и он вдруг громко захохотал, — вот надпись всех времён и народов, читай!

— “Катя плюс Петя равно Любовь”, — почему-то очень медленно прочёл я.

Дорога домой была мрачной и длинной. Приветливое солнце, обещавшее взамен поруганной тайны отдых на озере, не радовало. Надежды отыскать следы войны рухнули. Уставший от несбывшегося, я еле доплёлся домой. Бабушка суетилась на кухне:

— Вот и хорошо, что ты дома уже, Сашенька, — обрадовалась она моему возвращению. — Сейчас обедать будем.

Запаху куриного супчика с молодым укропом я не смог сказать “нет” и уселся за стол.

— О чём грусть-печаль? — начала бабушка издалека. — Всё ли в порядке в нашем царстве-государстве?

— Ба, ведь ты в войну здесь была, а про дот ты что-нибудь знаешь?

По тому, как она вдруг задумалась и остановилась, я понял, что попал на след.

— Вы нашли дот? — почему-то переспросила она, расправляя складки фартука.

— Да, откопали сегодня с Вовкой, только там, кроме мусора и надписей, ничего нет.

— Знаешь, Малаховка не была в зоне боевых действий, хотя враг стоял близко от нас, всего в пятидесяти километрах. Вся молодёжь рвалась на фронт, но по малолетству нас не пустили, а доверили рыть укрепления. А этот дот построили ещё до войны. И мы с ребятами тайком от родителей бегали к нему. Наши мальчишки играли в солдат и офицеров, а я с подружкой Клавкой — в медсёстры. Не думали тогда, что скоро не понарошку бинты менять придётся да раненых спасать. А с дота, как немцев из-под Москвы погнали, орудия сняли.

Мне трудно было представить седую бабушку маленькой девочкой. Она, заметив моё недоумение, вздохнула:

— Так, юному искателю-следопыту нужно сейчас набраться сил. Жду тебя, — добродушно приказала она и поспешно поднялась на второй этаж.

Я молниеносно съел суп, потом — кусок пирога с капустой, запивая компотом.

Бабушка перебирала фотографии. Увидев семейный альбом, я слегка разочаровался, потому что хорошо его знал.

— Ты представляешь, я сейчас поймала себя на мысли, что мы с тобой ровесники на этом фото, — протянула мне снимок, достав его из огромного бумажного пакета. — Память о войне я храню отдельно. Здесь мне шестнадцать, посмотри.

Я увидел тощую и смешную, с пушистыми косичками задорную девчонку в белом халате. Снимок чёрно-белый, но я сумел мысленно раскрасить глаза на портрете в голубой цвет и придать волосам оттенок спелой пшеницы.

— А вот это мои раненые, — тонкие пальцы с любовью погладили фото. — Настоящие герои. Вот Гриша, — она указала на чернявого высокого и плечистого красавца, — подбил десяток танков, был контужен, ребята успели вытащить из горящей машины и спасти.

— А это кто? — заинтересовался я человеком, пронзительно взглянувшим на меня с фото. Невысокий, хрупкий на вид солдат с тонкими чертами лица и длинными пальцами. Он совсем не был похож на бойца.

— О, это наш музыкант. Представь: госпиталь, везде стоны, кровь, запах бинтов, пота и хлорки. И вдруг звуки рояля в зале бывшего санатория. И всё сразу меняется. Кто улыбается, кто плачет. Оживает душа, и приободряется человек, раненный войной. Вот таков наш пианист, ставший в сорок первом сапёром.

— Бабушка, а он жив остался? — осторожно спросил я.

— Мы с ним в сорок втором познакомились, летом. Привезли его с пулевым ранением в живот: наткнулся на снайпера при разминировании дороги. Много крови потерял. Долго был без сознания. Выхаживала я его, как могла. Прикипела душа к нему. А он ко мне привязался.

— Ты что, влюбилась тогда? — сорвалось у меня с языка.

— Да, Сашенька, побывала я на седьмом небе от счастья, правда, совсем недолго, ушёл мой Пётр снова дороги чистить от мин, последнее письмо из Берлина получила. Вот, читай.

Я взял из дрожавших от волнения рук бабушки свидетельство любви — пожелтевший треугольник. С трепетом развернул и прочёл: “Здравствуй, дорогая Катенька, как же хочется жить и звучать в новом мире. Представляю, как мы пойдём с тобой в консерваторию и будем слушать Шопена. Его ноктюрны. Это любовь моя к тебе так звучит. Вспоминаю все наши свидания и побег с эвакогоспиталя. Интересно, жива ли моя надпись в тайном месте наших встреч...”

Перечитав пару раз эти строки, я стремительно сбежал по лестнице, пулей перелетел через забор и, тормоза застопорив с обеда Вовку, потребовал, чтобы мы немедленно вернулись в дот. Взяв всё необходимое для уборки, мы отгёрли стены от всего лишнего, вынесли мусор. Расчистили выход, чтобы бабушке не пришлось спускаться на верёвке. Нарвали лесных цветов и поставили их в бутылку из-под лимонада. Втащили старое дачное кресло. Из кассетника приготовился звучать Шопен. Вернувшись домой, я сообщил бабушке, что её ждёт сюрприз.

Утром нового дня мы снова были в лесу. Бабушка быстро и легко шла по давно забытой тропке в свою молодость. При входе в дот остановилась и долго не решалась войти. Спустя полвека она очутилась в прекрасном и страшном месте, где на стене росчерком любимого чернело признание: “КАТЯ + ПЕТЯ = ЛЮБОВЬ”...